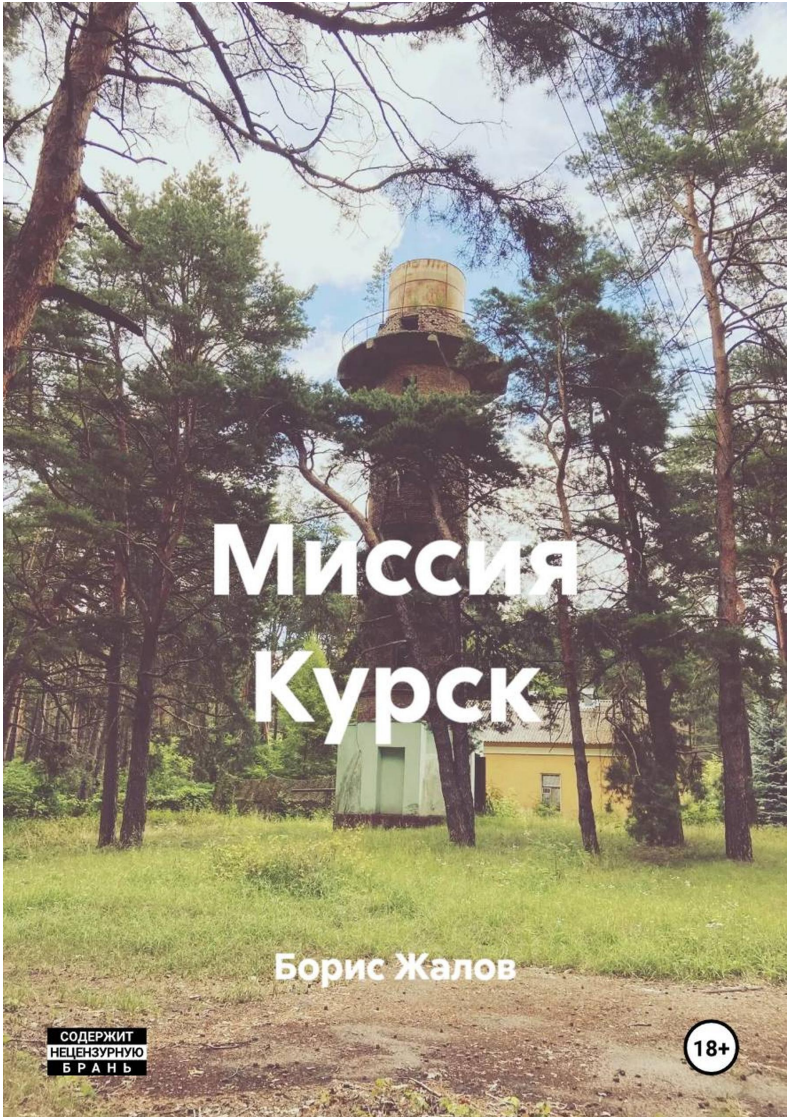
Миссия
Курск
Борис Жалов
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Борис Жалов
Миссия Курск

https://litres.ru/74925827
SelfPub; 2026

Аннотация

«Миссия Курск» - это глубокое, лишенное пафоса и «глянцевого» героизма повествование о буднях прифронтового военного госпиталя, расположенного в тылу, на территории бывшего пионерского лагеря в Курске. Главный герой, доброволец-санитар, прошедший через полевые мобильные госпитали, оказывается в месте, где война меняет свое обличье. Здесь нет ежеминутной борьбы за жизнь под свист пуль, но есть другая, не менее тяжелая миссия: «штопать» искалеченные тела и души, возвращать мужчинам право на слабость и учить их заново смотреть в небо без страха.

Рассказ идет как дневник, показывает изнанку армейской медицины: из перевязок, кормления, сортировки чужих вещей и бесконечных перевозок на инвалидных колясках.

Передается атмосфера госпиталя, где пасторальная тишина кленовой рощи соседствует с запахом хлорки, йода, ацетона и человеческого горя.

На страницах книги оживают десятки характеров разных людей переживших ад дроновых атак.

Борис Жалов
Миссия Курск

Миссия Курск.

Пролог.

После продолжительного рабочего года, полного изрядной усталости и утомления, мне хотелось окунуться обратно в пучину страстей своей настоящей работы - помогать тем, кто действительно нуждается, там, за ленточкой, где счет идет на секунды

Заброска в госпиталь, расположенный на территории Курска, была спонтанной. Признаться, желания ехать сюда у меня не было совершенно. Этот госпиталь, на мой взгляд, находился не в патовой ситуации, как различные полевые мобильные госпиталя (ПМГ), где порой выход из медикаментозного и психологического тупика казался невозможным. Место где ты по-настоящему ощущаешь смысл и ценность жизни, наблюдая как кто-то рядом ее уже потерял.

Но наставления старших братьев по нашему общему делу не оставили выбора. Они считали, что я должен быть здесь, в глубоком тылу, где это тоже необходимо. Ситуация в приграничье была такой же, как и на новых освобожденных территориях: невероятная напряженность, липкий страх и по-

стоянная угроза с неба. Враг лютовал, извергая всю мощь своих средств, и каждый день приходили сообщения о новых потерях и абсурдных ударах по мирному населению - там, где мы этого совсем не ждали. Как говорили солдаты раньше, для того чтобы навести порядок, нужна была техника, и они били точечно. Теперь же никто не жалел дорогих дронов, готовых тратить их десятками на одного бойца или случайно попавшуюся цель, не обращая внимания, военный это или просто мирно проезжающий зевака. Безвыходная ситуация противника показывала всю его подлость, которая уже переросла в террористическую угрозу.

Когда я наконец добрался до ворот бывшего пионерского лагеря, меня встретило немрачное обаяние этого места. Цветущие деревья, периодами завешанные в своих проплешинах маскировочной сетью, скрывали местный персонал и временных обитателей учреждения. Палящее солнце, будто бы работник военной комендатуры, всех заставляло прятаться в прохладных стенах главного корпуса. Пронизывающий, въедливый запах хлоргексидина и старых досок создавал атмосферу, которую трудно передать словами. Я сразу понял, что здесь время остановилось. Порой говорят, что история циклична, и говорящие несомненно правы. Когда-то эти стены из простого детского лагеря переоборудовались под эвакогоспиталь Великой Отечественной войны, и сейчас, спустя восемьдесят лет, он опять сменил свою деятельность на восстановление бойцов после сильных боев. Только вместо

гула «Юнкерсов» над головой теперь висел тонкий, давящий свист FPV-дронов.

Мой день начался задолго до рассвета, когда утренняя прохлада еще пыталась пробиться сквозь нагретый солнцем линолеум. Обход палат был похож на чтение тяжелой книги без начала и конца. Я встречал людей разных возрастов, национальностей, плечом к плечу сражавшихся за свои идеалы и уверенность в завтрашнем дне. Каждое лицо рассказывало свою историю, полную боли, страха и в то же время невероятной жизни и мужества. Это было чувство единства, когда каждый понимал, что его жизнь и судьба зависят не только от него, но и от тех, кто рядом - от хирурга, который собирал ногу по осколкам, от медсестры, вовремя сменившей капельницу, от соседа по койке, молча протянувшего бутылку воды.

На госпитальной территории среди кленовой рощи у нас была курилка для солдат куда они могли выходить по графику. В данной курилке можно было узнать много драматических и героических историй таких как у часто курящего одну за одной сигарету седого мужика из-под Суджи, которой осколок поймал при эвакуации чужой семьи, когда наши появились в городе. Он смотрел в небо сухими глазами и методично перебирал четки. Рядом сопел мальчишка-артиллерист, которому вчера ампутировали стопу. Парню девятнадцать, а нога уже заканчивается титаном. Оперевшись на раскатистый клен курил, стряхивая пепел прямо в пла-

стиковую бутылку с водой, танкист с обожженной шеей. Никто ни у кого не спрашивал, откуда ты и кем был на гражданке. Здесь все были равны. Моя работа заключалась не столько в перевязке или установки капельниц, сколько в том, чтобы вытащить их из этой звенящей тишины, заставить заговорить, выплеснуть ужас первых минут ранения наружу, пока он не пророс внутри панцирем.

К вечеру, когда закат окрашивал небо в густые, почти в кровавые оттенки, звуки ракетной опасности становились привычным аккомпанементом завершения дня. Железо протяжно выло, объявляя воздушную тревогу. Местный персонал реагировали буднично: неторопливо вставали из-за столов, шли в коридор, подальше от окон. Все привыкли к этому ритму.

День первый «Заезд»

Выход на перрон был сопровожден сухим, резким хлопком в воздухе - не оглушительным взрывом, а именно шлепком лопнувшего бумажного пакета прямо над головой. Сбитый где-то на излете дрон-камикадзе оставил после себя лишь рваный след серого облака, которое медленно расползалось в высоком июньском небе.

Оно выглядело до обыденно буднично будто вестник непогоды прорывался сквозь мирную лазурь случайной серой тучкой для диверсионного оката мирных граждан лет-

ним дождем. Но дождя не было. Вместо влаги с высоты мелкой черной трухой осыпалась остывающая пластиковая крошка и щепа от приклада беспилотника. Она оседала на поблекшую от пыли на придорожных клумбах цветов, путалась в волосах, ожидающих на перроне поезда женщин и липла к потным шеям мужиков.

Люди на платформе даже не сбавили шаг. Никто не пригнулся, не бросился под бетонный козырек вокзала. Только молодая мать инстинктивно дернула коляску чуть ближе к стене, да старый железнодорожник в оранжевой жилетке проводил взглядом исчезающий дымный хвост, сплюнул на рельсы и продолжил методично выстукивать молоточком колеса товарного состава. Для них этот звук стал просто еще одной строчкой в истории города - чем-то средним по значимости между объявлением прибывающей «Ласточки» и гудком маневрового тепловоза. Война давно перестала быть событием; она стала погодой. А погода, какой бы скверной ни была, никогда не отменяет расписания жизни.

Выдохнув я сжал лямки своего рюкзака и еще раз посмотрел вверх. Серое пятно продолжало таять, растворяясь в горячем мареве. Там, за ленточкой, такие хлопки всегда означали чью-то оборвавшуюся работу или спасенную жизнь. Здесь же это была всего лишь статистика дежурного ПВО, занесенная в журнал невидимым диспетчером. Очередная сорвавшаяся доставка смерти, превратившаяся в обычную дорожную пыль Курска.

Прибытие в госпиталь тем утром не показалось старой привычной картиной, которая меня встречала раньше и про которую я рассказывал интересующих, не было знакомого подобия, которое порой совпадало из моих рассказов с цикличными моментами из учебников истории или кинохроники. Не было угнетенной обстановки страдающих солдат с мученическими лицами, не было звона металла, запаха свежей крови и нервной суеты медицинского персонала.

Здесь царила тихая санаторная обстановка, почти преступно мирная для приграничного региона. Территория утопала в зелени. Под старыми липами на деревянных скамейках сидели люди в полосатых пижамах - казенных халатах времен советской медицины, поверх которых у многих белели свежие гипсовые корсеты или топорщились жесткие пластиковые ортезы. Эти «полосатые человечки» медленно прогуливались по аллеям, опираясь на видавшие виды деревянные трости, курили, сбившись в кружки, или просто щурились на солнце.

Воздух был пропитан запахами, совершенно не свойственными прифронтовой зоне: цветущей липы, влажной земли после ночного полива и столовской стряпни, которую тянуло из распахнутых окон пищеблока. Периодами из раций персонала бубнил кто-то, зазывая на определенную работу или доклад Звук был плавающим, искаженным жарой, отчего голос казалась еще более тягучим и неуместным.

Эта пасторальная тишина обманывала чувства, создавая

опасную иллюзию абсолютной безопасности. Она обволакивала, заставляла расслабить плечи и забыть о том, что происходит в ста километрах отсюда. Но стоило присмотреться внимательнее, как сквозь эту благостность проступали истинные детали пейзажа.

Слишком много молодых лиц без рук или ног. Слишком часто мелькали инвалидные кресла, которыми управляли парни, которым едва исполнилось двадцать пять. Вот один такой «человечек» - огромный штурмовик, чью шею скрывал высокий пластиковый воротник Филадельфийского типа, - пытался одной левой рукой достать зажигалку из кармана халата. Он чертыхался сквозь зубы, злясь на собственное тело больше, чем на невидимого врага. Рядом медсестра, совсем девчонка, молча подошла, щелкнула пьезоэлементом и дала ему прикурить. Он кивнул ей, глубоко затянулся, и в его глазах на секунду промелькнул тот самый ужас, который они оставляют за КПП вместе с окровавленной формой. Они обменялись парой фраз о температуре воды в душе, рассмеялись, от чего мрак снова рассеялся.

За этой внешней идиллией пряталась колоссальная работа по возвращению людей к жизни. Здесь лечили не только раны от осколков и пуль. Здесь штопали искалеченные психики, заново учили мужчин смотреть на небо без желания вжаться в асфальт, возвращали им право быть слабыми. Эта санаторная тишина была лишь анестезией перед долгой, мучительной операцией по принятию новой реальности. И

именно здесь, среди гуляющих теней в полосатых халатах, я окончательно понял замысел моих братьев: чтобы там, в эпицентре бури, медики могли работать на износ, этот островок покоя должен оставаться непробиваемым. Отсюда бойцы должны уходить не сломленными инвалидами, а людьми, сохранившими волю встать на протезы и вернуться если не в строй, то хотя бы к своим семьям.

Старшая смены с позывным Касатка - монументальная женщина с руками, способными удержать на весу носилки с тяжелым «трехсотым», и неожиданно тихим, вкрадчивым голосом - познакомила меня с товарищем.

Посмотрев на нас, она произнесла.

- Кабриолет, это Саша позывной «Фаберже». Он у нас тут старожил, еще неделю дежурит, потом уезжает домой, к семье. Вводи его в курс дела в полной мере.

Переведя взгляд на меня.

- А ты просто смотри, впитывай и не суетись. Руки помнишь откуда растут? Отлично. Значит, справишься.

Саша Фаберже оказался сухопарым мужиком лет тридцати пяти с рыжевато светлыми волосами. Он пожал мою руку, кивнул в сторону лестницы и начал говорить:

- Первый этаж твой. Там ребята тяжелые лежат, маломобильные. Как мужчине тебе назначили самый незамысловатый фронт работы. Справишься - молодец. Ошибешься - поправим. Главное правило одно: жалеть молча.

На первом этаже госпиталя пахло иначе. Если наверху ца-

рил дух ленивого санатория, то здесь стояла плотная смесь застарелой мочи, прелого белья, мужского пота и того самого едкого антисептика, который въедается под ногти навсегда. Здесь размещались те, кто передвигался только на каталках или вовсе лежал пластом - в основном ребята с ампутированными конечностями ног.

Вся задача в данный момент сводилась к уходовому контролю за двенадцатью солдатами. Позже я узнал, что на нашем жаргоне «уходовый» означало базовый, гигиенический уход - грязную, неблагодарную работу, от которой воротят нос гражданские санитары. Еда, перевязка, туалет, перекур. Цикличный ад, растянутый на день.

Саша показал мне график, начерканный маркером на белой магнитной доске.

- Смотри сюда. Твоя смена начинается с подъема. Сначала судно тем, кто сам не дойдет. Потом вывозим тех, кто хотят на умывание. Приносим завтрак. И понеслась. Перевязки по часам, но, если промокло раньше - беги сразу. Кровить они любят внезапно. Не обращай внимания на грубиянов, они тут бывает не со зла, а от наоборот от дискомфорта и стеснения как - как дети малые. Первым моим подопечным был солдат с позывного «Гора» - огромный дагестанец весом за сто килограммов, потерявший обе стопы после кассетного прилета. Его койку специально поставили у самого окна, чтобы он мог видеть улицу. Когда меня вызвали в палату со шваброй и ведром, он даже не повернул головы. Раздражен-

но мне сказал будто я его раб. Чего встал, доктор? буркая басом, глядя на тополя за стеклом. Думаешь, мне приятно лежать в собственном дерьме? Начинай. Только простыню натяни нормально, складок не люблю. Вот тогда-то я почувствовал, как краска стыда заливает шею. Я пришел помогать, а должен менять простыни взрослому, сильному мужику. Но Горе было плевать на мои рефлексии. Для него я был просто функцией, новой парой рук, которая должна обеспечить ему человеческое существование в условиях нечеловеческой беды. Работа оказалась тяжелой физически. Перекинуть обездвиженное тело, подмывая его из пластикового ковшика, сменить тяжелый, пропитанным физиологическими жидкостями памперс ворочающемуся от боли мужику, закатить бедолагу в узкую душевую кабину - все это требовало не столько медицинской сноровки, сколько грубой физической силы и абсолютного отсутствия брезгливости.

Дав выговориться, я спокойно будто не зная, что такое уходовый контроль слушал Сашу.

- Но сложнее всего тут с туалетом. Для здорового человека поход в уборную - минутное дело. Для парня, у которого вместо голени культя, забранная в аппарат Елизарова, - это целая спецоперация. Таких порой приходиться выводить под руки. Пока тот делает свои дела, отвернувшись к стене и упершись лбом в холодный кафель, тебе приходится стоять рядом, держа его за предплечье, и отвлекаясь от его действий к примеру, смотреть в окно. Нужно смотреть куда

угодно, только не на него, потому что плечи, за которые ты держишься, создавая упор для него самого мелко трясутся от боли создавая беззвучный плач, и слушать это уже выше моих сил.

По рассказывая еще немного с явным отвращением и усталостью он повел меня еще на один пост продолжая говорить.

- А ты как я понял уже бывалый?

- Есть немного, на Луганском направлении был в ПМГ в основном на коротких станциях.

Ответил ему я. Дав знать, что частично, но это проходили.

-Там кровь, там адреналин, там понятная цель - вытащить. А здесь... здесь ты просто нянька. Вытирай сопли и задницы. то и есть самая важная операция.

Спокойно ответил Сашка, глядя куда-то сквозь стену.

- Там, на передке, их рвут на куски. И ваша задача была - собрать остатки обратно в человека. Ты думаешь, почему им нужен именно мужик на этом посту? Бабы-медички их пожалеют, слезу пустят. А этим волкам, не в оскорбление говорю, сейчас жалость как соль на рану. Им нужно знать, что их таскает такой же уставший, злой, матерящийся мужик. Что они не беспомощные дети. Понял задачу?

- Понял,

Кивнул я.

- Сейчас покажу еще одно место, тут тоже нужна грубая мужская рука, так как женщины не справляются, это склад

одежды и душевая, так сказать два в одном. Все вновь прибывшие первым делом перед заселением идут сюда, привести себя в божеский вид и переодеться в уставную госпитальную пижаму.

Проговорил Саша и пошел в сторону лестницы подвального помещения.

- Каптерка.

С улыбкой проговорил я и устремился за ним.

Оставшаяся неделя обещала быть долгой. Но впервые за долгое время я чувствовал, что данное мое место действительно находится именно здесь. Среди запаха хлорки и человеческого горя, возвращая двенадцати мужчинам право называться людьми.

День второй. «День сурка»

Второй день в госпитале оказался тем самым «днем сурка», о котором часто пишут в книгах, но который невозможно почувствовать, пока не окажешься внутри этой системы. Никакого киношного героизма, никаких сирен и беготни с криками «Анестезиолога!». Война здесь, в тылу, пахнет хлоргексидином, пылью и нагретым на солнце линолеумом.

Мое утро началось со скрипа колес пошатывающей в стороны инвалидной коляски. Монотонный развоз ребят на перевязку: палата, коридор, дверь перевязочной, обратно. Туда - обратно. Ты словно работаешь на невидимом конвейере, где главной деталью является человеческая боль, к которой необходимо подвозить ребят, распахнутые двери перевязоч-

ной встречали бойцов, которые уже ожидали новое испытание. Молодая медсестричка с закрытым маской лицом холодно смотрела в мою сторону и только кивком головы отдавала приказ на дальнейшие действия. Перекинув с кресла на кушетку бойца мне порой приходилось оставаться рядом для определенной поддержки при перевязке, даже такое плевое дело и то нуждалось в крепости сил. Весь процесс необходимо наблюдать и поддерживать бойца пока сестричка слой за слоем, снимает пропитанные кровью бинты. Данный процесс был сложен тем что у мед персонала не было времени размачивать присохшие бинты и вся процедура проходила грубо и резко, от чего даже крепкий мужик мог всхлипнуть от боли, а порой резко уцепиться за тебя и непроизвольно произвести тебе боль.

Несмотря всего лишь на второй день пребывания ребята видимо начали привыкать к моему лицу, некоторые молча кивали, другие шутили, перекидываясь словами то со мной, мимо сидящими и проходящими обывателями госпиталя, пока я везу их каталку по коридору.

К обеду конвейер сменился на разнос подносов. Стойкий запах уже всем ненавистной гречки, тушенки и сладким обжигающим чаем из огромного бака. Ты заходишь, ставишь, убираешь грязное. Механически. Без эмоций, потому что на эмоции просто нет сил и времени - их сегодня забирала жара. А жара стояла адская. Июнь выдался беспощадным, кондиционеры в госпитале были только в операционном отделе,

все остальные места госпиталя были изнурительно жаркими. Легкий ветерок иногда мог задуть в приоткрытые окна госпиталя, что сразу тормозило процессы, секундная остановка на маршруте прохладного потока по немного наполняла силами.

После обеда настало время планового перекура. Я выкатывал тех, кто мог ходить или сидеть в кресле, на крыльцо. Палящее солнце пекло так, что создавалось впечатление будто воздух над асфальтом дрожал, такое я наблюдал в детстве в своем родном Астраханском крае, где пятидесятиградусная жара плавила гудрон на дороге и вот сейчас в другом регионе ко мне приходят флешбеки из детства виде жары.

Мы стояли стайкой: кто в госпитальном халате, кто с забинтованной грудью, кто на костылях. Дым от сигарет смешивался с запахом аптеки и пота. Я стоял рядом, по очереди прикуривая тем, у кого руки не слушались или были в гипсе. Мы молчали. В этом молчании под слепящим солнцем было больше понимания, чем в любых разговорах. Это не то молчание, что бывает между старыми друзьями - уютное, полное недосказанного общего прошлого. И не тяжелая пауза незнакомцев в лифте. Это плотное, осязаемое молчание людей, чьи тела несмотря уже на безопасное состояние, все равно претерпевают боль. Война уже прогремели и осталась внутри каждого - разрывами, осколками и хрустом костей. Здесь слова могут показаться фальшивой надстройкой, неуместной суетой, а порой и ненужной сердобольностью. Они си-

дят плечом к плечу, передавая друг другу затертую зажигалку приговаривая «не забудь вернуть». Дым сигарет здесь в перемешуку с табаком и озоном от недавней кварцевой лампы выдает необычные ароматы. Каждый затягивается глубоко, словно пытается выкурить остаток свободного времени. Взгляды в перемешку то опущены вниз, то устремляются в небо: один изучает трещину на асфальте, другой следит за сизым завитком, растворяющимся в лучах солнца. Сигарета в искалеченных пальцах - это единственный оставшийся им акт рутинного контроля. Чиркнуть колесиком, втянуть дым, стряхнуть пепел. Маленький ритуал живого человека среди стерильного запаха смерти и хлорки.

В целом день прошел без эксцессов. Ни одного «ЧП», ни одного «аврала» с поступлением тяжелого груза. Для обывателя это скука, но любой, кто работал в таком месте, знает: тишина и рутина - это самое лучшее, что может случиться. Значит, там, за линией никого не вытаскивают. Значит, сегодня никто не умер с наивностью я отвечаю сам себе.

К вечеру, когда спала жара, меня приставили освоить дела каптера. Это отдельная медитация. Подвал, запах сухой ткани и хозяйственного мыла. Я пересчитывал простыни, наволочки, грубые госпитальные халаты. Можно сказать погрузился в мир перфекционизма, где наглаженные и выложенные по полкам ровные стопки как кирпичи ожидали нового прихода.

А потом были узлы. Личные вещи вновь прибывших, ко-

торые нужно было рассортировать по величине подписать для дальнейшей идентификации и убрать на хранение до выписки или переброски в другой госпиталь. Вот тут-то и проступила настоящая, изнаночная правда войны. Я развязывал эти узлы - кто-то привозил их в рюкзаках, кто-то в баулах, а у кого-то вещи были просто перевязаны веревкой. И тут бросалось в глаза страшное, негласное разделение. Одни приезжали со своим. Аккуратно сложенная форма, берцы, любимая флисовая кофта, может быть, даже книга или зарядка. Их эвакуировали планово, у них было время собраться, или их вытащили свои же, не спеша, погрузив в чистый УАЗ. А другие... Другие приезжали в одних трусах. Иногда с обгоревшими ботинками в руках, иногда вообще без ничего. Только то, что было на теле в момент, когда прилетело, когда рвануло, когда земля уходила из-под ног. И вот теперь, глядя на эти пустые, выцветшие от пота и крови тряпки, которые я должен был сдать на склад, я понимал всю хрупкость нашего мира. Я аккуратно складывал чужие штаны, кителя и футболки, вешал бирки с фамилиями. Завтра кому-то из тех, кто приехал в одном исподнем, нужно будет найти что-то подходящее и выдавать одежду на выписку. А кому-то - просто передавать этот узел матери.

Помимо возни в каптерке, в мой ежедневный «день сурка» плотно вписался еще один важный пункт - контроль душевой. Мыться раненым разрешалось строго по графику, расписанному старшей медсестрой до минут. Это тебе не до-

ма по желанию зайти под воду: тут все по палатам, по тяжести состояния и по очередности. Моя главная задача перед тем, как запустить группу в душевую, звучала просто, но требовала определенной сноровки: перемотать перевязки стрейч-лентой. Вода, мыло и влага - главные враги свежих ран, швов и гипсов. Поэтому я вооружался широкими рулонами прозрачной пищевой пленки. Характерное шуршание стрейча в коридоре скоро стало для ребят фирменным звуком, возвещающим о подготовке к банным процедурам. Нужно было обмотать бинты так, чтобы намертво запечатать края и не дать воде проникнуть к телу, но при этом не сдавить само ранение, не задеть дренажи и не причинить боль. У кого-то осколки в ногах, у кого-то рваные раны на плечах или животе - к каждому нужен свой подход, своя геометрия пленки. Приходилось ловить момент, когда боец выдыхает, чтобы плотнее прижать прозрачный слой к марле. Параллельно с этой «упаковкой» я выдавал бойцам мыльно-рыльный инвентарь. Горстка простого мыла, мочалка (которая, честно говоря, через день превращалась в лохмотья), иногда - маленький флакончик геля для душа из волонтерской передачи. Кто-то брал молча, кивая в благодарность, кто-то, отпускал шутку про «курортный сервис и систему все включено». Я улыбался в ответ, выдавая следующий кусок мыла. Когда все были перемотаны, вооружены мочалками и выстроились в коридоре пестрой, хромающей очередью, я открывал дверь в душевую от куда валил густой, горячий пар, пахло мылом,

хлоркой и влажным кафелем. Я стоял у входа, следя за таймингом, чтобы никто не задержался и не застудился, и смотрел, как эти измученные, забинтованные парни на несколько минут забывают о боли, подставляя спину и лица под горячие струи. В этом шуме падающей воды, гуле вытяжки и шуршании стрейч-ленты тоже был свой, пусть и очень бытовой, но невероятно важный кусок этой войны. Кусок, который нельзя было пропустить. Кусок, который нужно было просто делать.

Тихо, методично.

День за днем.

Под вечер, когда моя смена подошла к концу я вытер ладонью пот со лба, зашторил шторкой коморку каптера и пошел в сторону столовой к своим сдавать смену. Завтра снова будет скрип колес, подносы, жара и сигаретный дым. И я буду ждать этого дня сурка, зная, что мы всё делаем правильно.

День третий «Диабетик»

Вроде бы день сурка продолжался как по накатанной, но утренний обход заставил призадуматься из-за резкого запаха ацетона в одной из палат с ранеными. Хотя данная палата и не входила в зону моей прямой ответственности - там лежали легкораненые, так сказать «мобильные» солдаты: кто на долечивании и скорейшей отправке домой, кто ожидал перевода в тыловой госпиталь, - я все равно периодами должен был заглядывать туда, приглядывать по мелочам, нужна ли кому помощь. Вот и сегодняшний обход мимолетом привлек мое

внимание. Запах ацетона по первым моментам ударил в голову не столько своей резкостью, сколько моментом абсурдности. Стояла дичайшая жара, окна то и дело открывались или не закрывались вовсе, и кто-то, видимо, решил начать ремонтные работы. Ухмыльнувшись и вспомнив поговорку про армию - «кто в армии служил, тот в цирке не смеется», я пошел дальше. Через какое-то время я вышел на перекур и, вспомнив про запах, решил посмотреть, кто это деятель что творит ремонт под окнами. Но на мое удивление никого там не увидел, да и следов ремонта не было. Задавшись вопросом, откуда тянет, я пошел дальше по своим делам: провел обход тяжелых, свозил их на плановый покур, рассказав во время небольшого отдыха на крыльце про сегодняшнее загадочное происшествие. Долго думал, откуда запах? Примерно через час, в свободную минуту, я опять проходил мимо этой палаты. Ребята, так же сбившись в круг, сидели и организовали карточный столик на выкатной тумбочке. Запах так и не прекратился, только теперь он перемешался с густым запахом пота, лекарства и йода. Нарастающая жара давала о себе знать: кондиционеры в госпитале были установлены только в операционной и реанимации, на остальные корпуса их просто не хватило, и воздух в палатах стоял тяжелый, почти осязаемый. Спросив у ребят, чувствуют ли они запах ацетона, они лишь пожали плечами и снова принялись за карты. Видимо, долгое сидение в душной палате вызвало у них привыкание к общему фону, и они уже не различали

оттенков этого смрада. Не получив вразумительного ответа, я пошел к дежурному медбрату. Мало ли, он даст ответ, уж больно мне хотелось понять, что это за работы и почему запах так долго стоит?

Дежурным был веселый парень по имени Георгий, который на все вопросы и предложения всегда отвечал с улыбкой, даже когда мыли полы или таскали тяжелые носилки.

Я спросил.

- Жор, там ацетоном несет в третьей палате, я понять не могу, что это? Ремонта нигде нет, мужики сидят в карты играют, а я как ни пройду - идет запах, и все. Не подскажешь, может, ты видал того умника, что тут красит или еще что-то делает?

- Ацетон? переспросил Георгий.

Улыбку с его лица стерло, словно ластиком. Он резко встал, зацепив стулом пошарканный пол. Лицо вдруг стало жестким, собранным.

- Пойдем. Быстро. Показывай.

Мы почти бегом дошли до этой зловонной палаты. Картежники, увидев наши лица, притихли, кто-то даже инстинктивно будто нашкодивший ребенок спрятал колоду под матрац. Георгий их даже не окрикнул. Он сразу направился в самый дальний угол палаты, к окну, где на крайней койке скрючившись сидел крепкий весьма грузный средних лет мужчина. Тихий, терпящий все, молчаливый, с перебинтованной голенью - осколочное, «царапина», как он сам говорил при

поступлении. Георгий наклонился над ним. Запах здесь был просто невыносимым. Он бил в нос сладковатой, тошнотворной химией, перебивающей даже запах пота. Мужчина сидел, сжимая полторашку воды с открытым ртом. Его кожа была неестественно красной, а губы сухими и потрескавшимися. Дыхание было редким, глубоким и шумным, словно он не мог надышаться.

- Кетоацидоз...

Глухо выдохнул Георгий, хватая мужчину за запястье нащупывая пульс. Он обернулся ко мне, в его глазах читался неподдельный ужас, смешанный с яростью.

- У него диабет! Декомпенсация! Герой, ты как сюда попал?! Почему в карте ни слова?!

Мужчина не мог ответить. Он лишь тяжело, с хрипом выдохнул, и волна этого самого ацетона, смешанного с запахом гниющих яблок, ударила мне в лицо. Я понял: запах шел не из окна и не от краски. Он шел из его легких. Организм бойца, измотанный жарой, обезвоживанием и стрессом от контузии, просто перестал усваивать глюкозу и начал травить сам себя. А ребята игравшие в карты не чувствовали запаха, потому что их обоняние привыкло к госпитальной вони, а сам боец, скорее всего, скрывал свою болезнь.

- Кислоту!

Рявкнул Георгий, срываясь на крик, от которого картежники подпрыгнули на местах.

- Бегом в процедурную! Тащи физ-раствор, два литра, и

инсулин! Зови врача из реанимации! Бегом, не стой!

Я рванул из палаты так, как не бегал со времен учебки. В коридоре уже пахло не ацетоном, а моим адреналином. Этот день разлетелся на куски. «День сурка» закончился. Врачи вытаскивали парня с того света почти шесть часов. Его срочно перевели в реанимацию, под спасительный гул кондиционера и капельницы. Георгий лично ставил катетер, его руки, обычно такие легкие и шутливые, теперь двигались жестко и уверенно. Но бойца выходили. А у меня к вечеру остался осадок.

Весь день был на перекосяк, в голове крутились мысли, которые вспоминали все курсы, ударяя в голову сегодняшним инцидентом, будто я что-то когда-то пропустил.

Работа шла монотонно, не заметив, как подошел конец дня.

Вечером, когда жара наконец начала спадать, мы с Георгием сидели на заднем крыльце госпиталя. Он курил, я сидел рядом и вдыхая табачный дым наслаждался тишиной, которую изредка нарушал гул и стрекот насекомых.

- Я его по приезду сам расспрашивал,

Тихо сказал Георгий, разминая в пальцах окурок.

- Говорил, что просто поцарапало, перевяжите и домой на несколько дней отправьте, тут не далеко живу. А он уже умирал.

Георгий глубоко затянулся, сплюнул в пыль и горько усмехнулся, но в его улыбке больше не было той легкости,

что утром.

- На войне, друг, два фронта,

Тихо ответил он, глядя на темнеющий горизонт.

- Один там, за окопами. А второй - вот тут, внутри. И второй иногда предательски тише и страшнее.

После сегодняшней истории я усвоил еще один урок из медицины, этот гниющий яблочно-кислый запах ацетона я теперь не перепутаю ни с какой краской или растворителем. И заходя в палаты, я теперь всегда буду вслушивался не только к стонам или разговорам, но и запахам что так обманчиво могут унести жизнь человека почти в мирной жизни.

День четвертый «Клещ»

Говорить, что день начался, как и обычно - монотонно, предсказуемо, тяжело, ни чего не сказать. Я уже привык к этому ритму, да и чего там привыкать, для меня всё-таки это был курорт: кормление, перевозка покурить, перевозка на перевязку и так в круговом режиме. Но сегодня всё изменилось после того, как меня позвали в перевязочную. Правда не для серьёзной работы - там и без меня хватало рук. Мне поручили простые процедуры: обработать заживающие раны, наложить свежие повязки. Рутина, казалось бы. Но именно в этой рутине скрывалась своя особая правда войны.

- Кабриолет слушай.

Обратилась старшая медсестра.

- Будешь работать с легкими.

Легкими мы называли тех, чьи раны уже не угрожали жизни напрямую, а лишь напоминали о ней ноющей болью. Я вошел в небольшое прохладное помещение, где воздух был гуще от испарений спирта. Здесь не было криков агонии, только скрип зубов от боли при касании к живому мясу.

- Как у вас тут прохладно.

Сказал я

- Соседям спасибо, стенка тонкая вот и охлаждает по не многу, главное окна не открывать чтобы жар с улицы на запускать.

Ответила старшая медсестра.

А соседями у перевязочной был блок реанимации.

-Реанимация. Делается с вами своей прохладой. Хорошо, что не могр за стеной.

В шутку сказал я и увидел осуждающий косой взгляд со стороны работающих медсестер. Мне достался молодой паренек, лет двадцати, с перевязанной голенью. Рана затягивалась, края стянулись розовой, нежной кожей, похожей на лепесток цветка среди грязи окопов. Я аккуратно снял старый бинт. Под ним пахло сладковато-гнилостно, но это был запах жизни, а не смерти. Я взял пропитанный тампон с перекисью, и в этот момент мой взгляд зацепился за странную выпуклость между большим и вторым пальцем ноги бойца. Маленький, серый шарик, впившийся в кожу так глубоко, что казался её частью. Клещ. Набухший, сытый.

- Сестра, смотрите,

Тихо сказал я, чувствуя вдруг необъяснимое отвращение. Не к клещу, а к этой мелкой, паразитической жизни, которая питалась кровью человека, и так истощенного войной.

Старшая медсестра подошла, даже не взглянув на мое лицо. Её глаза устало смотрели на разбухшего клеща, осунувшемся лице лицо закрытое маской не издавало ни малейшей реакции - только выполнение работы. Она взяла пинцет. Движения её рук были хирургически точными, лишенными всякой эмоции. Щелк металла. Хруст хитинового панциря под давлением. Она выкрутила паразита, и тот оторвался, оставив после себя маленькую, кровоточащую точку.

Клещ лежал на металлическом лотке, шевеля лапками. Живой. Опасный.

- Давай зажигалку,

Сказала резко мне. Голос её был плоским, как струна, натянутая до предела.

Я опешил.

- У меня нет.

Растерянно ответил я.

- Тогда найди.

В её голосе не было злости. Была лишь абсолютная, ледяная целесообразность. Время здесь текло иначе. Секунды стоили жизней, а минуты - судеб. Так что с мелким паразитом никто не думал возиться. Я вышел в коридор. Там, на скамейках, сидели бойцы. Кто-то дремал, запрокинув голову, кто-то с ожиданием смотрел на меня. В глазах этих людей

читалась та же пустота, что и у старшей медсестры.

- Ребят, у кого огонь есть?

Спросил я в толпу сидящих.

Мне молча протянули дешевую пластиковую зажигалку. То, что я увидел дальше, выбило у меня почву из-под ног. Старшая сестра не стала класть клеща в пробирку. Не стала заворачивать в салфетку для лаборатории. Она просто поднесла огонек к насекомому. Фшшш. Короткий звук, похожий на вздох. Панцирь лопнул, внутренности клеща вскипели, превратившись в черную, смрадную каплю. От тела паразита остался лишь уголек, который медсестра стряхнула с пинцета прямо в ведро с отходами. Я замер с открытым ртом. В голове мелькали лекции из медицинских курсов, правила СанПиНа, протоколы эпидемиологического контроля.

- А как же... Обследование?

Мой голос аж дрогнул.

- Сестра, это же переносчик! Боррелиоз, клещевой энцефалит... Мы должны отправить его в лабораторию, проверить, заразен ли он. Если у бойца начнется лихорадка...

Все сестры обернулись в мою сторону. В этот момент я почувствовал, как будто мне плеснули в лицо ледяной водой. Старшая сестра не стала кричать или что-то говорить. Она просто посмотрела на меня так, словно я как маленький ребенок только что спросил, почему небо синее, пока вокруг горят дома. Она прищурилась, и уголки её губ стали видны сквозь маску дрогнули в гримасе, которую можно было при-

нять за усмешку, если бы в ней не было столько боли.

- Кабриолет. Ты же так по позывному?

Произнесла она тихо, почти шепотом.

- Посмотри на этого мальчика.

Я перевел взгляд на бойца. Тот лежал с закрытыми глазами, дыша ровно.

- Через три дня он выпишется. Через неделю он будет в окопе под этим чертовым лесом, который не можем уже год взять, или его перебросят вообще под Константиновку или еще куда.

Старшая сестра сделала паузу, давая словам упасть тяжелым камнем.

- Там его ждут не клещи. Там его ждут дроны-камикадзе, которые не болеют энцефалитом. Там его ждет пуля снайпера, которой все равно, чистая ли у него кровь. Там его ждет осколок, который разорвет его на части быстрее, чем ты успеешь сказать «боррелиоз».

Она отвернулась, начиная готовить новую повязку.

- Не до болезней сейчас Кабриолетик. Не до анализов. Сейчас важно, чтобы он мог ходить. Чтобы он мог держать автомат. А умрет он не от укуса. Умрет он от войны. И эта смерть будет быстрой. А болезнь... болезнь - это роскошь мирного времени. Роскошь, которой у нас нет. Я стоял, сжимая в руке пластиковую зажигалку. Пластик стал теплым от моего пота. Циничная мысль, холодная и острая, как скальпель, пронзила мое сознание. Она права подумал я. Посмот-

рел на черного уголька в ведре. Когда-то этот клещ был угрозой. Биологической опасностью. Требующей внимания, ресурсов, времени. Но война съела все ресурсы. Война съела время. Война обесценила мелкие угрозы перед лицом большой, всепоглощающей смерти.

Дверь перевязочной скрипнула, впуская вслед жар с душного коридора и в ней появился местный санитар. Я не отрывая рук от бинта, которым фиксировал ранение парню посмотрел на него.

-Там товарищ майор?

Голос санитара прозвучал неуверенно, с оттенком своеобразного подобострастия. Я поднял глаза. В дверном проеме стоял человек в госпитальных штанах и камуфляжной грязной футболке, покрытый слоем серой пыли, будто его только что выкопали из траншеи. Но выглядел он не как те генералы диванов, которых иногда видно в штабах, когда там приходилось бывать. Те всегда пахли дорогим одеколоном, их чистые туфли - именно туфли блестели, а лица были сытыми и гладкими. Этот же майор хромал, опираясь на дверной косяк. Его лицо было серым от усталости и боли, губы запеклись, а на ногах не было туфлей, а лишь темные, почти черные от грязи и крови ноги, которые уже начала подсыхать.

- Разрешите войти?

Спросил майор. Голос был тихим, но в нем звенела сталь.

- Проходите, товарищ майор,

Старшая медсестра поспешно освободила кушетку.

- Что случилось? Где медсанбат? Почему сразу к нам?

- Мина.

Коротко бросил майор.

- «Лепесток». На дороге.

Ответил майор поцыкивая от боли.

- Вы... вы там работали?

Уточнила старшая сестра, начиная разматывать небрежно наложенные бинты на ноге.

- Контролировал приход.

Ответил майор, морщась, когда холодный антисептик коснулся раны.

- Партия важная. Ребята на передовой ждут. Не мог доверить приемку молодым там черт знает что твориться, когда этот пидорский лес возьмут. Информация разниться, я решил сам проверить. А там... видимо, сброс был или остался старый сюрприз.

Я слушал и не верил своим ушам. Передо мной вроде бы как сидела тыловая крыса, стереотипное мнение часто возникает, когда видишь людей со звездами в таких местах, но они обычно кого-то сопровождают или делают какие-то дела. Но, глядя на этого человека, я понимал, что шаблоны не всегда верны и сегодня я как раз ошибался. Этот майор не прятался за спинами солдат. Он ехал туда, где могла быть опасность, чтобы убедиться, что его бойцы получат то, что им положено. Не для галочки, а именно по соображениям совести и жизненной позиции.

Рана была серьезной. Осколки глубоко вошли в стопу два пальца по середине были оторваны, но кость, кажется, уцелела. Майор лежал неподвижно, стиснув зубы так, что порой был слышен их скрип. Он не стонал. Не требовал обезболивающего. Просто смотрел в потолок, контролируя свое дыхание.

- Больно?

Тихо спросила медсестра, накладывая свежие бинты.

- Терпимо.

Выдохнул майор.

- Главное, что груз пришёл. Ребята уже поди сытые.

Проговорил майор и опустил глаза на свою ногу с удивлением сказал.

– А пальцы, а пальцы то где?

Ситуация начала походить на комичную, гримаса на его лице, была смешной, удивленное лицо было как у суетящейся бабки, которая растеряла старое ненужное, но до боли дорогое ей барахло. Мы молча смотрели на него. Когда все-таки процедура закончилась и ногу зафиксировали гипсом, майор попытался сесть. Движение далось ему с трудом, лицо исказила уже гримаса боли, но он справился.

- Спасибо, доктор, эх что всего два то пальца, три меня бы точно комиссовали.

С досадой и будто в шутку сказал он, кивнув медсестре. Затем его взгляд упал на меня, стоявшего рядом уже с приготовленной коляской.

- Санитар,

Позвал он. Я шагнул вперед.

- Да, товарищ майор?

- Где тут можно покурить?

Спросил он

-Курение у нас по расписанию три раза в день. Если получится то может и вечером перед сном.

Шаблонно ответил я ему и начал подкатывать коляску.

- Чего? Я же майор. Дайте мне послабление какое то, ну ей Богу, кому тут обратиться?

В его просьбе не было приказа. Не было высокомерия. Была простая, человеческая вежливость и понимание чужого труда. Я кивнул.

- Сейчас подойдем к товарищу полковнику и переговорим по вашей просьбе товарищ майор.

Мы выкатились в коридор, где, как всегда, стояла жесткий запах препаратов. Пока я катил его до полковника, мои мысли роились вокруг увиденного. Сколько таких «тыловиков» я осуждал возможно зря? Сколько людей, которые носят погоны, но не боятся испачкать руки и рискнуть жизнью ради общего дела?

- Тебя как зовут?

Спросил меня товарищ майор, слабо улыбнувшись Улыбка вышла кривой, болезненной, но искренней.

- Борис, но тут мы по позывным, Кабриолет.

Ответил ему я.

- Ну Кабриолет, смотри мы же еще не заселились, а там на улице пока суета смотрю какая-то с приезжающими солдатами, вывези меня на крыльцо на пару тяжек, очень сильно курить хочу. Мне нужно всего одну затяжку. Чтобы понять, что я еще жив. И что война еще не победила меня.

Проговорил мне майор, видя, как я без слов плавно поворачиваю в сторону улицы. На улице я помог ему достать пачку сигарет из нагрудного изорванного кармана. Майор взял одну, но зажигалки у него не оказалось. Я, вспомнив недавний случай с клещом, зашел в приемный покой и у сидящего рядом бойца спросил зажигалку. Поднеся зажженное пламя, которое осветило лицо офицера. В глазах майора читалась та же усталость, что и у всех здесь. Но вместе с ней несгибаемая воля. Человек, который едет на минное поле проверять сухпаики для своих солдат, заслуживает большего, чем просто медицинская помощь. Он заслуживает уважения.

Майор сделал глубокую затяжку, выпустил дым и закрыл глаза.

- Спасибо, Борис

Проговорил он.

- Теперь можно и отдохнуть.

После нескольких быстрых затяжек, как и обещал майор я вывел каталку в коридор. Пока я вез его в палату, мимо нас пробегали другие санитары, носились врачи, слышались стоны раненых. Но в этом повседневном хаосе фигура майора на каталке казалась островком спокойствия и достоин-

ства. Он не был героем плакатов. Он не совершал подвигов под прицелом камер. Он просто делал свою работу. Честно. До конца. Даже если эта работа привела его на мину.

Заведя в его палату, я посмотрел на свои руки, испачканные кровью и йодом. Сегодня я увидел настоящего офицера. И понял, что война страшна не только смертью. Она порой страшна простой оценкой и наложением шаблонов на людей, которых не знаешь, так же она страшна тем, что заставляет ценить такие простые вещи, как одна выкуренная сигарета после адской боли. Завтра этот майор, возможно, снова будет в строю. Или его отправят в тыл. Но я знал одно: этот человек своим поступком и характером останется в моей памяти надолго.

Вечером, когда закончилась смена, в после принятия душа я стоял у запасного входа оперевшись на перила лестницы, принимая воздушные ванны и думая о прошедшем дне прорабатывая все моменты и еще раз продумывая как все прошло. Отсюда до передовой значительное расстояние не меньше ста километров. Но если прислушаться, то по вечерам, когда стихает ветер, можно уловить глухую, утробную дрожь земли. Это бьют наши, либо отвечают их. Звук докатывается сюда уже как далекая, ни к чему не обязывающая летняя гроза. Но война от этого не становится меньше. Она просто меняет свое обличье: вместо свиста мин и криков «Врача, Сестру, Санитара!» здесь пахнет хлоркой и порой варевом из столовой. А бойцов сюда поставляют регулярно,

как по конвейеру с разных точек, из разных котлов и окопов. Поезда разгружаются на станции, и коробочки, забитые ими с полна, снуют между корпусами без передышки.

День пятый. «Выезд и заезд».

Сегодняшний день внес немного красок в эту серую обыденность. Сегодня была переброска бойцов, а вернее - у кого-то выписка, а у кого-то просто смена госпиталя, в тыл, подальше от грохота и дальнейшее уже скрупулезное лечение. И так получилось, что сегодня выезжали ребята, за которыми я ухаживал последние четыре дня. Срок, конечно, небольшой. По меркам этой проклятой войны мгновение. Но в стенах палаты, когда ты меняешь им пропитанные кровью бинты, когда кормишь с ложечки, потому что руки не слушаются, или просто сидишь рядом слушая весь их наркозный бред - сердцем прикипаешь к ним как к родным. «Помор» такой был позывной у одного из штурмовиков с перебитой пяткой, вечно суетящийся «Таксист» матерый боец из Таджикистана с контузией и осколком в ноге, и худощавый пацаненок в очках как у ботаника с большими линзами с шуточным позывным «Снайпер» научившимся прыгать на костылях как на родных ногах, всем им сегодня предстояла выписка. Помор, ожидая этого уже несколько дней каждое утро слонялся по сторонам в надежде услышать свое имя, мы даже ему рюкзак с вещами подготовили в каптерке на видном месте будто он по первому звонку как школьник с ним сможет убежать. Таксист то и дело в курилки вспоминал семью и говорил нам

как будет радоваться его дочка, когда он ей привезет свою медаль за отвагу.

И этот день настал. Резкое сообщение от начмеда, ворвавшегося в ординаторскую с папкой бумаг: «Циркулярный спуск на выписку! Освобождаем койки выписка раненых, всех на выход!» - поддало жару. Началась обычная госпитальная кутерьма. В коридорах эхом разносились голоса сестер и санитаров, выкрикивающих фамилии:

- Федотов! Гилакадзе! Где ваши вещи?!

- Костыли, черт возьми, кто взял костыли?! Всем на первый этаж на построение!

Вот среди всей этой суеты, когда я бегал с кипой направлений и помогал кому-то из новеньких добраться до перевязочной, я на какое-то время выпал из реальности. А когда вырвался на крыльцо, чтобы просто глотнуть свежего воздуха и успокоить нервы, то не заметил, как мои ребята, опираясь на костыли, уже чистые, переодетые в свежее, с улыбкой на лицах, стояли на выходе и спокойно без всякой спешки потягивали сигареты.

Я подошел, остановился в паре шагов. Помор заметил меня первым, кивнул, протягивая окурок Таксисту чтобы тот его закинул в урну.

- Дай Бог, мы с вами больше не встретимся.

Тихо сказал я ребятам, глядя им в глаза. Увидав удивление на их лицах. Я заметил, как Таксист даже сигарету изо рта вынул и переспросил:

- Это как это, Кабрилоет? Ты что обиделся что ли, что мы без тебя уезжаем?

Я усмехнулся, снимая грязные затертые латексные перчатки.

- Не держите обиды, пацаны. Я всем так говорю. Если меня встретить значит, вы опять в передрягу попали. А по мне, так лучше оставайтесь целыми и невредимыми. Дай Бог вам здоровья и чистого неба над головой. Чтобы меня вы вспоминали ну или на край видели в снах, а не на носилках.

Помор медленно кивнул, понимая суть моих слов лучше всех. Он знал цену моему «не встретимся». Для меня это было лучшее, что мог я пожелать ребятам которые скоро вернуться на фронт.

Они шагнули ко мне насколько позволяли костыли. Пожав мне руку, а Помор, не стесняясь еще и обнял напоследок, Снайпер хрипло, с надрывом сказал:

- Мы тебя и так найдем, Кабриолет. Как отпразднуем Победу найдем и отблагодарим. Спасибо тебе, братка за доброту и уход. Вы ребята лучшие.

- Берегите себя.

Выдохнул я, чувствуя, как к горлу подступает предательский ком.

Коробочка уже гудела у крыльца, двери и у окна нее был открыты. Я помог им усесться, подставил плечо под руки придерживая костыли. Дверцы захлопнулись, и потертый временем и войной автобус двинул, напоследок чихнув си-

зым дымком, в сторону станции. Я стоял и смотрел им вслед, пока пыль не скрыла машину за поворотом. Где-то вдалеке, за горизонтом, снова тихо бухнула артиллерия. Но сегодня, глядя на чистое, безоблачное небо, я впервые за последний дни пребывания искренне помолился про себя, чтобы мои ребята сдержали слово и нашли меня.

- Кабриолет!

Раздался голос мед сестры из парадных дверей приемного покоя.

- Сейчас новый привоз будет. Неси костыли и каталки, там солянка!

Я вздохнул, вытер ладони о штаны и развернулся обратно в душный, пахнущий йодом и хлоргексидином коридор. Война продолжалась. А значит, и мне расслабляться было рано. Не успел я собрать в кучу освободившиеся каталки и сложить свободные костыли у крыльца, как услышал натужный, надсадный рокот мотора. К подъезду оставляя за собой шлейф пыли, подкатывала новая «коробочка». Все также потертая и идентичными ссадинами войны ничем не отличавшаяся от той, на которой только что уехали мои пацаны. На секунду в голове, обманутой короткой передышкой, пронеслась дурацкая, но такая теплая мысль: вот сейчас дверь откроется, и кто-нибудь из них, высунувшись, крикнет: «Эй, Кабриолет забыли тут и пришлось развернуть! Мы в палате сигареты оставили, принеси пожалуйста!» Или еще какую-нибудь чушь в их духе. Я бы даже улыбнулся в ответ.

Но это все были просто мечты. Сказка для уставшего мозга.

Дверь грубо рванули в сторону. Распахнутые двери автобуса показали новых жителей. Это были совсем другие люди. Если мои ребята выглядели добрыми, веселым и спокойными, то эти... Озлобленные, с дергающимися глазами, они смотрели на нас с таким тяжелым, звериным недоверием, будто мы их не лечить, а пытать собирались. Пахло от них порохом, потом, засохшей кровью и тем самым, непередаваемым запахом адова котла, из которого их только что чудом вытащили. Я шагнул навстречу, привычно принимая на себя роль швейцара в этом аду, и спросил ровным, профессиональным тоном:

- Так, братва, слушай сюда. Кому коляска, кому костыли? Не торопимся, не толкаемся.

В ответ на мою спокойную речь раздался гул, и все в голос, перебивая друг друга, начали требовать коляску.

- Коляску давай! Я на костыли не встану, ногу больно! Вези на каталке!

Смотря на них, я видал разные раны и уже оценивающим взглядом понимал что кому надо. У одного, вопящего громче всех, простое пулевое ранение и видимо сквозное в икре. Ходить будет, хромать будет, но идти своим ходом, даже на отрез, он категорически не хотел. Понимаю их, конечно. Сил нет, каждый шаг - ад, нервы на пределе. Но такой роскоши, как каталка для каждого, мы никому позволить не могли. Их

всего шесть штук на весь госпиталь, и то половина уже занята. Спорить с ними сейчас было бесполезно только пыль сотрясать. Пришлось включать режим, которого они, возможно, ждали еще больше, чем жалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.